

- ¹⁸ См.: Националисты придумали альтернативу фронту Путина. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/13/opfront> (дата обращения: 20.09.2011).
- ¹⁹ См.: Путин: Подражатели ОНФ не будут лучше оригинала. URL: <http://grani.ru/Politics/m.188693> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁰ См.: Оппозиция сформировала Комитет национального спасения. URL: <http://lenta.ru/news/2011/05/23/komitet> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²¹ См.: Шевчук М. «Народному фронту» возразит «Национальный комитет» // Деловой Петербург. 2011. 23 мая.
- ²² См.: Кулагин И. «Справедливая Россия» открыла «второй фронт». URL: <http://www.pravda.ru/politics/parties/other/07-05-2011/1075175-front> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²³ См.: Левичев: «Справедливая Россия» создает «свой фронт», списки партии открыты для общественников. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2011/05/07/n_1827509; «Справедливая Россия» создаст свой Народный фронт. URL: <http://www.spravedlivo-online.ru/content/news/SER1.php?news> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁴ См.: «Справедливая Россия» не будет создавать аналог Народного фронта. URL: <http://www.mironov.ru/main/publications/9034> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁵ См.: Гурин Н., Тагаева Л. Партийная мобилизация // Новая газета. 2011. 08 июня.
- ²⁶ См.: Список общественных объединений, вступивших в Общероссийскую общественную организацию «Союз сторонников Политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ»». URL: http://souz-ccp.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=234&Itemid=20 (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁷ См.: Фронт народный и неформальный // Коммерсантъ. 2011. 16 мая.
- ²⁸ См.: Макаркин А. Пиаровский фронт // Ежедневный журнал. 2011. 7 июня. URL: <http://ej.ru/11084> (дата обращения: 20.09.2011).
- ²⁹ См.: Баташьева А. На олигархов – с хоругвями и Сталиным // Новая газета. 2011. 15 июля.
- ³⁰ Зюганов: народное ополчение коммунистов станет достойным ответом ОНФ. URL: <http://ria.ru/society/20110702/396484975> (дата обращения: 20.09.2011).
- ³¹ См.: Рожкова Н. Коммунисты ополчились на единомоссов // Московские новости. 2011. 18 июля.

УДК 32:070:004:056

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: up@gtrk.renet.ru

В статье рассматриваются практические и теоретические предпосылки для введения в научный оборот понятия «информационный суверенитет», как понятия, характеризующего возрастание роли информации в организации современных политических процессов.

Ключевые слова: политический суверенитет, политическая информация, средства массовой информации, кризис либеральной политики, современная демократия.

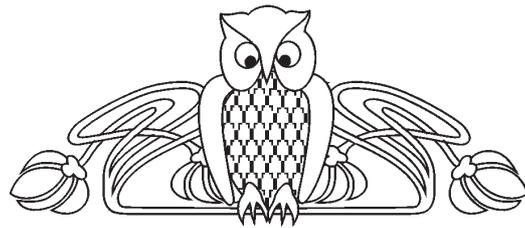
A. V. Rossoshanskiy

Information Part of Political Sovereignty

In this article practical and theoretical premises for introduction into scholar usage the notion of «political sovereignty» as the notion characterizing the rising role of information in the modern political processes organization are considered.

Key words: political sovereignty, political information, Mass Media, crisis of liberal policy, modern democracy.

Большинство современных исследований, затрагивающих проблемы нынешнего состояния и перспектив развития политики в контексте глобализационного и модернизационного процессов, не обходится без констатации их авторами факта

кризиса государственных принципов и институтов, традиционных для мира либеральной демократии. «С одной стороны, – пишет в своем исследовании академик РАН О. Т. Богомолов, – в конституции все большего числа стран закладываются демократические принципы, а с другой, в государствах, давно практикующих демократию, содержание этого понятия, а именно – народовластие, т. е. власть народа и для народа, выхолащивается. Выборы, как главный признак наличия демократии, теряют смысл, ибо с помощью больших денег и возможностей телевидения, приемов так называемых «политтехнологов», «административного ресурса» властей и других средств обработки общественного мнения удается манипулировать поведением избирателей. Кроме того, избиратель все более ощущает свое бессилие влиять на политику и формирование власти. Сталкиваясь с аморальностью и беспринципностью многих политических деятелей, он сторонится политики, считая ее грязным делом, становится безучастным к гражданским делам. Да и выборы все больше походят на театрализованное шоу, чем на политический акт»¹.

Такого рода оценки побуждают задаться вопросом: а было ли когда-нибудь в практике

либеральных демократий иначе? Вот что об этих практиках писал в XIX столетии, например, классик французского либерализма Франсуа Гизо: «Демократическая система провозглашает суверенитет народа оттого, что утомилась искать легитимную власть, надзирать за правами свободы, и, дабы отдохнуть, она возвращается под тень тирании»².

Другой, не менее известный сторонник либеральной демократии А. де Токвиль отзывался о ее практическом применении не менее критически: «Впрочем, я считаю, что страшна не столько безнравственность людей, стоящих у власти, сколько безнравственность, ведущая к власти. В демократических странах простые граждане видят, как вышедший из их среды человек в короткий срок оказывается у власти и становится богатым; это вызывает удивление и возбуждает их зависть; они начинают доискиваться, каким образом тот, который еще вчера был им ровней, сегодня наделен правом править ими. Приписать такое восхождение его способностям или добродетелям – весьма неудобно, так как это означало бы признать, что ты сам менее способен и менее добродетелен. Тогда основная причина его успеха относится за счет его пороков, и часто это бывает правдой. Вот так происходит отвратительное соединение понятий власти и низости, успеха и недостойности его, полезности и бесчестия»³. О том, как оценивали качество демократических практик их идейные противники, консерваторы и левые радикалы, упоминать в данном случае не имеет смысла.

Остается предположить, что правильнее было бы говорить не о кризисе современной либерально-демократической государственной политики в ее идейных, организационных и процедурных аспектах, а о кризисе тех теоретических эталонов государственной либеральной политики, либеральной демократии вообще, которые были созданы в прежние столетия, уже тогда они в той или иной степени выполняли в отношении практической политики нормирующую функцию, но сегодня по-прежнему (других нет) используются исследователями для оценки качества политической практики. При том что вслед за анализом непреодолимых тупиков, в которые зашло развитие современных демократических государств и обществ, обычно следует довольно внушительный список тех мер государственного регулирования, которыми государство, находящееся у «последней черты», должно обеспечить быстрый прогресс гражданского общества и прочих институтов демократии. «Выбор модели социального государства мог бы означать для России следующее: сохранение социальных завоеваний прошлого и важной регулирующей роли государства **в выполнении провалов** (выделено нами. – А. Р.) рыночной экономики <...> активная роль государства в обеспечении интересов всего общества, в формировании социально справедливой политики

доходов, в предоставлении основных социальных гарантий всему населению, в развитии науки, культуры, здравоохранения, просвещения, охране окружающей среды, поддержке инноваций и технического прогресса, борьбе с преступностью и в поддержании необходимого морального климата в стране: обеспечение демократических процедур принятия важнейших государственных решений, честного информирования общества о положении дел в стране, поддержка институтов гражданского общества, независимость СМИ и демократический контроль за их деятельностью»⁴.

Заметим: речь идет не о каком-то государстве, которое придет на смену нынешнему, загнавшему себя в угол принципами и практиками либеральной демократии, а о государстве, существующем ныне, в современной России в том числе, которое прежде характеризовалось как носитель множества существенных недостатков. Мы специально привели весь этот обширный список требований, который политические аналитики обычно от лица российского общества адресуют современному российскому государству, потому что он означает две вещи: либо все эти требования заведомо невыполнимы и наука здесь выступает в роли политического субъекта, генерирующего в массовом сознании опасные своей завышенностью ожидания, либо они реалистичны (в пользу чего свидетельствует положительный опыт европейских «государств благосостояния», на который часто ссылаются), но тогда, следовательно, не все так плохо обстоит с функциональностью либерально-демократических институтов и процедур (раз они все это могут обеспечить), как это рисуют исследователи.

По сути, современные исследователи демократической политики не обнаруживают в ней того, что всегда с трудом обнаруживали и прежде. А именно видимого проявления, наряду с суверенитетом государственной власти, народного суверенитета как основы и предпосылки суверенности демократической власти как таковой. Дискуссии правоведов о том, что эти дефиниции должны и могут обозначать, скорее всего будут продолжаться бесконечно. Но для политической науки, в рамках которой обсуждается вопрос о плачевном состоянии современной либерально-демократической практики, это вопрос насущный и подразумевающий необходимость использования уточненных теоретических понятий, поскольку прежние не позволяют нам объяснить то, что происходит в политической жизни.

Мы в нашем исследовании не будем вторгаться в сферу современных теоретико-правовых дискуссий и подробно сопоставлять преимущества и недостатки различных толкований и определений суверенитета вообще и народного и государственного суверенитета в частности. Заметим только, что для политической науки представляется важным, есть ли у современного либерально-демократического государства суверенная воля

и суверенные возможности, чтобы выполнять предписанный список всех обязательств перед обществом. При этом нецелесообразно исходить из представлений о существовании в политике общества вообще и государства вообще. Того общества, о суверенитете которого рассуждали в XVIII столетии вслед за Ж.-Ж. Руссо теоретики европейского либерализма, уже давно нет как объективной реальности. Иными являются нормы гражданственности, моральные и экономические принципы взаимоотношений между гражданами, восприятие политики как контекста, определяющего жизнь современного человека, возможности и риски этой жизни. То, что граждане стали меньше действовать в политике, не означает, что они меньше о ней думают и менее активно реагируют на вызовы с ее стороны в плане организации своей повседневной культурной и хозяйственной жизни. А когда гражданин политику продумал, сделал свой осознанный выбор в пользу оптимального для него стиля отношения к ней и поведения в ней, то ему необязательно идти на площадь и там всем сообщать о своем гражданском выборе. Современные «информационные» общества существенно отличаются от европейских обществ времен Ж.-Ж. Руссо уже тем, что больше ориентированы на осмысление политической и иной информации, больше думают о причинах и следствиях политики, и это избавляет их от многих лишних движений в данной сфере. Это выглядит как возрастающая политическая пассивность граждан. Хотя, как показывает современная ситуация в арабском мире, нарастающие протестные движения граждан по всей Европе и в Америке против государственных мер по предотвращению очередного витка экономического кризиса, совершать такие движения общества не разучились и совершают их тогда, когда государственная власть пытается действовать только по своей суверенной воле.

Нет и того либерально-демократического государства. Оно изменилось и уже не привязывает свои взаимоотношения с гражданами к создаваемым самими элитами представлениям о том, чего «хочет народ», что «народ» поймет в государственной политике, а чего не поймет. Государство само активно рассказывает обществу о себе, о содержании и целях своей политики, о трудностях и механизмах решения проблем, оно само задает и формулирует повестку дня для политики, не дожидаясь зарождения социальных и научных утопий, само занимается прогнозированием развития общества в будущем. С этим, собственно, связаны оптимистичные расчеты современных исследователей, что государство сможет взять на себя не только решение своих собственных проблем, но и за общество решит его проблемы. Все это делает вторжение современного государства в сферу общественной жизни гораздо более масштабным, чем прежде, но менее заметным и болезненным в силу применения так-

тики навязывания государством общественному сознанию информации о себе и своей политике.

Когда политическая позиция государственной власти кажется гражданину понятной, она уже не выглядит для него настолько опасной для его образа жизни, чтобы на нее реагировать немедленно и активно. Современное государство очевидно и понятно для граждан (во всяком случае на уровне внешних, институциональных и процессуальных оболочек политики) настолько, что выглядит достаточно предсказуемым и потому относительно безопасным. Для государства такое ощущение гражданским обществом своей безопасности создает невиданный прежде ресурс легитимности и соответствующий простор для решения задач политического управления как раз теми способами, которые больше всего критикуются современными аналитиками и определяются ими в качестве симптомов кризиса либерально-демократической государственной политики.

Сама политика изменилась. Из преимущественно спонтанной, диктуемой внешними по отношению к демократической политике классовыми и сословными позициями политических субъектов, игры политических интересов, ориентированной на стимулирование экономического, правового, культурного и прочего прогресса, она превратилась (что особенно заметно в модернизирующихся социально-политических системах) в конструирование усилиями политических и интеллектуальных элит проектов стабильности (гражданских прав и свобод, конституционного строя, материального благосостояния и уровня потребления, культурного пространства). Выглядит вполне закономерным, что в формате этого обновления политики современным государствам приходится расставаться с идеологией мультикультурализма, внимательнее относиться к проблемам миграции населения и мириться с националистическими и ксенофобскими настроениями своих граждан.

Очертания этого нового стиля современной политики выдают те самые требования к изменению форм и сути государственной политики, о которых упоминалось выше. Создание таких современных проектов стабильности, действительно выступающих альтернативой прогрессистски ориентированным классическим идеологиям, обеспечивается современными информационными технологиями, которые действительно устраняют из политического процесса многие дестабилизирующие факторы. В частности, до предела сжимается физическое пространство и время, благодаря чему к минимуму сводится дистанция между постановкой политической задачи и ее решением. В физическом пространстве и времени не остается места для традиционных демократических дискуссий, что, с одной стороны, создает политике сверхэффективный имидж, а с другой стороны, открывает простор для фактически беспредельного расширения виртуального

пространства и времени взаимоотношений политических субъектов. Политику начинают творить СМИ и электронные сети.

Можно ли в этих новых обстоятельствах при изучении свойств и тенденций развития современных демократических обществ и государств опереться на изначально крайне расплывчатое и неустойчивое по смыслу классическое понимание «народного суверенитета» и «государственного суверенитета» как основ демократической политики? Свойства политических субъектов как носителей суверенитета со всей очевидностью меняются. Это позволяет предположить, что и суверенность как их сущностное свойство тоже может и должна подвергаться изменению. Другое дело – как факт этих изменений зафиксировать на дискурсивном уровне.

Представляется возможным использовать для этого понятие «информационный суверенитет», имея в виду, что это обобщенная характеристика всех перечисленных выше тенденций в изменении политической субъектности общества и государства, обусловленных общим возрастанием роли информационного сегмента в структуре современной цивилизации. Это не значит, что классические определения суверенитета и постоянные дискуссии о его природе теряют смысл. Напротив, информационная составляющая присутствовала в структуре того межсубъектного политического взаимодействия, качество которого мы обозначаем понятием «политический и правовой суверенитет», изначально, с момента рождения политики как новой социальной практики. Все, что в суверенности государственной власти в разные исторические эпохи и в суверенности общества определялось мыслителями-консерваторами как «тайна» источника властной воли и властных функций, а мыслителями прогрессивного толка – как «воля народа» (что не менее таинственно), по сути было теоретической характеристикой способности одних субъектов политики, обеспечиваемой специфическим набором ресурсов и инструментов в руках государства и общества, сообщать другим субъектам политики такую информацию о себе и о них, которая позволяла определенным образом выстроить конфигурацию политических интересов, воли, процессов.

Современные тенденции в развитии цивилизации вывели эту исконную информационную составляющую политического и правового суверенитета прошлых эпох на первый план, сделали ее слишком заметной и практически значимой чертой в отношениях властвования и подчинения, чтобы игнорировать потребность отразить в политическом дискурсе эту новую тенденцию при помощи дополнительного понятия. Понятием «информационный суверенитет» предлагается обозначить значимую для современной демократической политики способность и намерение субъекта политики производить, распределять

и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике и использовать ее как ресурс политического влияния в тех масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам.

Факт обладания значительными объемами политической информации и, главное, очевидная способность манипулировать форматами, объемами и даже качеством информации в интересах разных политических субъектов и даже в собственных интересах уже давно подвели аналитиков к интуитивному восприятию роли СМИ в политике как роли «четвертой власти». При всей публицистичности этого понятия в эпоху тотальной информатизации всего, включая и политику, оно приобретает в том числе и конструктивный смысл. Во всяком случае без учета реалий, скрывающихся за определением «четвертая власть», действительно невозможно постичь логику многих современных политических конфликтов, союзов, взаимных претензий и расчетов в политике.

Именно СМИ своим быстрым прогрессом в последние два столетия вывели информационную составляющую политического и правового суверенитета на первый план. Информационные технологии только легитимировали и технически обеспечили ее сегодняшнее устойчивое присутствие на первом плане и придали тому, что прежде выглядело как «тайна власти и политики», вид очевидных истин и даже банальностей. Это служит для современных исследователей роли средств массовой информации в современной политике основанием для суждений об их, СМИ, самостоятельной политической субъектности в политике и праве и возможности восполнить своими структурами и своей политической активностью неработающие институты гражданского общества.

Фактически, если говорить о российской действительности, на уровне политики и права сегодня ситуация выглядит так, что общественное начало политики представлено двумя институтами – политическими партиями и СМИ. Партии больше тяготеют к государственной политике, и тенденция эта только усиливается в последнее десятилетие. СМИ остаются единственным представителем общества в политике, которому может быть делегирован общественный суверенитет во взаимоотношениях с властью. При отсутствии развитых гражданских институтов они и для власти становятся естественным и почти единственным источником информации об общественной жизни и инструментом перевода «общественного суверенитета» в формат конкретных идей, запросов, ожиданий рядовых граждан. Информационный суверенитет сегодня концентрируется в сфере политических коммуникаций, обеспечиваемых средствами массовой информации, настолько быстро и зримо, что вопрос о правовых и полити-

ческих механизмах обеспечения СМИ достойного места в политике выглядит как бы уже не предварительным условием, а неким дополнением к уже сложившейся фактической ситуации.

Владение СМИ информацией воспринимается гражданами и элитами как владение основополагающей «тайной» политики, что позволяет говорить о том, что современное понимание того, что было обозначено понятием «информационный суверенитет», в принципе тяготеет к традиционному для последних двух веков консервативному пониманию политического суверенитета, в которое либеральная политическая практика постоянно и безуспешно привносит вопрос: а не следует ли к воле и интересам народа перестать относиться как к тайне и писать о политике в СМИ так, как оно есть на самом деле? Проект привлекательный, но его реализация приведет к превращению СМИ в справочную службу и к появлению на их месте в политическом процессе новой «четвертой» власти в виде сетевых структур. Отчасти это происходит уже сегодня, и, как представляется, именно вследствие стремления некоторых СМИ конвертировать свою информационную суверенность в реальные экономические и правовые преимущества.

Информационный суверенитет мотивирует и определяет понимание СМИ своей политической субъектности. Конфигурация запроса СМИ на информационный суверенитет определяет структуру их отношений с другими политическими субъек-

тами и всю структуру трудностей и проблем, с которыми сталкиваются современная информационная политика и ее правовое регулирование. Исследование информационного суверенитета даст практическую возможность четко сформулировать идеологию информационной политики в современной России. Причем сформулировать, имея в виду, что основным в ее структуре должно быть не сопоставление интересов государства и общества (попытки сделать из СМИ инструмент согласования этих интересов не могли и не могут по определению иметь положительного результата). Это может быть именно идеология политического участия СМИ как самостоятельного субъекта, наделенного политическим ресурсом, которым они распоряжаются по собственному усмотрению.

Примечания

- ¹ Богомолов О. Т. Демократия и социально-экономический прогресс // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 5.
- ² Гизо Ф. Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм : сборник / пер. с фр. М., 2000. С. 572.
- ³ Токвиль А. де. Демократия в Америке : пер. с франц. / предисл. Г. Дж. Ласки. М., 1992. С. 177.
- ⁴ Богомолов О. Т. Указ. соч. С. 11.

УДК 323.1; 323.2

ГОСУДАРСТВО КАК СУБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. И. Морозов, Е. Л. Кулешова

Волгоградский государственный университет
E-mail: si.morozov@mail.ru

В статье рассматривается процесс конструирования национально-государственной идентичности населения России. Особое внимание уделено современному этапу политического развития российского общества. Анализируются возможности реализации различных проектов конструирования общероссийской идентичности.

Ключевые слова: государство, модернизация, политическая идентичность, патриотизм, политическая культура, политический дискурс.

State as a Subject of Nation-State Identity Construction in Contemporary Russia

S. I. Morozov, E. L. Kuleshova

This article concerns the process of nation-state identity construction in Russia. Special attention is paid to contemporary stage of political development of Russian society. Potentials of different projects of construction of overall Russian identity are examined.

Key words: state, modernization, political identity, patriotism, political culture, political discourse.

Эффективность конструирования национально-государственной идентичности в современной России обусловлена в первую очередь ограничениями, накладываемыми на национальные отношения историко-культурными особенностями, а также изменением роли Российского государства в структуре современных международных отношений. В этой связи характер общегосударственной идентичности относит нас к прошлому опыту политики идентичности.

Так, в отличие от западного варианта, длительный контакт с монгольской культурой предопределил деспотический характер власти царя на Руси. Здесь особый интерес представляет